

Становление органов государственной власти в регионах Российской Федерации в постперестроечный период

Евгений Валентинович Буянов,

доктор исторических наук, профессор кафедры религиоведения и истории Амурского государственного университета, Благовещенск.

E-mail: professor_bl@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы становления и развития органов государственной власти в субъектах Российской Федерации в постперестроечный период. Представлены имеющиеся в научной литературе взгляды на причины перестройки 1985—1991 гг. Характеризуются особенности складывания нового политического класса России. Исследуется процесс трансформации партийно-советской номенклатуры в новую российскую элиту. Делается вывод, что в России начала 90-х гг. XX в. формирование новой власти протекало на основе преемственности как в персональном плане, так и на организационном и политическом уровне. Уделяется внимание анализу кадровой ситуации в органах власти дальневосточных регионов в начале 90-х гг. XX в. — первых годах XXI в. Отмечается, что в постперестроечное время набор на российскую государственную службу осуществлялся по старым правилам (корпоративный принцип). Следствием этого стали безынициативность, равнодушное отношение к своим обязанностям, непрофессионализм чиновников. Все пороки советской кадровой системы, самым отвратительным из которых была коррупция, оказались перенесены в российскую государственную службу. Перестройка 1985—1991 гг. принесла в политическую жизнь России свободные, демократические выборы. Со временем стало ясно, что старые методы формирования органов власти вполне сочетаются с новыми демократическими процедурами. Всё это отразилось на функционировании государственных институтов в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: перестройка, органы государственной власти, выборы в органы государственной власти, события 19—21 августа, КПСС, номенклатура, элита, контрэлита, легитимность власти, система государственной службы.

Development of state authorities in regions of the Russian Federation after perestroika.

Evgeny Buyanov, Amur State University, Blagoveshensk, Russia.

E-mail: professor_bl@mail.ru

The paper reviews the issues of state authorities development in constituent entities of the Russian Federation after perestroika. The viewpoints on reasons of perestroika of 1985—1991 existing in research environment are presented. The characteristic features of a new political class developing in Russia are given.

The process of Soviet party nomenclature transforming into the new Russian elite is studied. The author draws a conclusion that in Russia of the early 1990's, the new power was forming with continuity both in personality aspect and on the organizational and political level. Some attention is paid to the analysis of human resources in authorities of the Far-Eastern regions in the early 1990's — early 21st century. It is noted that after perestroika, public officers were recruited according to old rules (corporate principle) which resulted in the officials' shiftlessness, inert attitude to their duties and unprofessional performance. All vices of the Soviet human resources management system, the meanest of which was corruption, turned out to be transferred into the Russian civil service. Perestroika of 1985—1991 brought the free democratic elections into Russian political life. It became clear that the old methods of authority forming can be combined quite well with new democratic procedures. Altogether, it influenced the functioning of civil institutions in constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: perestroika, state authorities, elections to state authorities, events of August 19th — 21st, Communist Party of the Soviet Union, nomenklatura, elite, counter-elite, power's legitimacy, civil service system.

Новейший период российской истории характеризуется как переходный. Последние два с половиной десятилетия ознаменовались большими переменами в политическом, социально-экономическом и духовном развитии общества. Особенно глубокие и резкие преобразования произошли в сфере государственного управления. Место структур КПСС заняли новые звенья исполнительной власти: Правительство Российской Федерации и региональные администрации (правительства). По существу, заново были сформированы органы народного представительства. Значительную трансформацию претерпела судебная система страны.

В результате перестроечных и постперестроечных реформ сложился каркас современной российской государственности. Созданная в этот период структура органов исполнительной, законодательной (представительной) и судебной власти сохраняется с некоторыми корректировками и по сей день, что говорит о её определённой устойчивости, возможности дальнейшего развития и совершенствования. Закономерно возникает вопрос о политических и социальных источниках стабильности сложившейся в Российской Федерации системы власти, её адаптационных ресурсах и потенциальных резервах дальнейшего существования. Актуальность данной проблемы не вызывает сомнений в связи с возникшими в последнее время экономическими трудностями и нарастающим давлением на политическую ситуацию в России как изнутри, так и со стороны внешних сил. Соответствующий анализ предполагает масштабное исследование и учёт совокупности политических и социально-экономических факторов и тенденций современного развития во всех субъектах Российской Федерации, что не получится осуществить в рамках данной статьи. Вместе с тем ряд поставленных проблем можно попытаться решить на дальневосточном материале. Российский Дальний Восток объединяет несколько регионов (Приморский, хабаровский, Камчатский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область,

Чукотский автономный округ) с общей историей освоения и схожими социально-экономическими проблемами. Имеется и политический момент, сплачивающий названные субъекты РФ: они, вместе с Республикой Саха (Якутия), вошли в Дальневосточный федеральный округ, образованный указом Президента России В.В. Путина 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [11].

Дальневосточные регионы характеризуются значительным разнообразием природно-климатических условий и наличием производственного потенциала. В 90-е гг. XX — начале XXI в. в каждом из них по-разному складывались механизмы преодоления проблем, связанных с реформированием российского общества. Довольно пестра и политическая жизнь Дальнего Востока. Во время федеральных избирательных кампаний здесь наблюдается практически полный набор вариантов волеизъявления избирателей. В середине 90-х гг. XX в. аналитикам удалось выявить такой факт: когда выборный день, начинающийся на Дальнем Востоке, доходил до Иркутска, усреднённые данные о результатах голосования оказывались примерно теми же, что и общероссийские показатели несколько часов спустя, хотя на Дальнем Востоке тогда проживало всего 6—7% населения страны [12, с. 694].

Изучение процесса становления и развития новых органов государственной власти в дальневосточных субъектах Российской Федерации началось одновременно с реформированием политической системы страны. Первыми высказались по проблеме некоторые руководители дальневосточных территорий (В.И. Ишаев (Хабаровский край), Е.И. Наздратенко (Приморский край), А.Н. Белоногов (Амурская область) и др.). Вопросы функционирования властных структур на Дальнем Востоке в постперестроечное время привлекли внимание обществоведов разного профиля — юристов (З.С. Софриной, С.В. Нарутто, С.В. Чердакова и др.), в т.ч. специалистов по государственному и избирательному праву (С.Д. Князева, Е.Н. Хрусталева и др.), политологов (В.Д. Андрианова, М.К. Арчакова, Н.М. Байкова, Т.И. Захаровой, В.М. Кордаса, В.А. Селезнёва, М.Ю. Шинковского и др.), социологов (Л.И. Болтянского, Н.М. Горбунова, Л.В. Кашириной, Н.С. Слепцова, Е.Н. Чадаева, В.Н. Шевченко, В.И. Шпака и др.), краеведов (Н.И. Колесникова, М.А. Кузьминой, М.И. Шубиной и др.). Из дальневосточных историков проблемой реформирования органов государственной власти занимались Е.В. Буянов, А.С. Ващук, В.Э. Войшнис, Р.В. Голощапов, Б.Г. Хачатурян и др.¹

Постановка проблемы, охватывающей пути, способы и особенности становления новой системы государственного управления в России, отсылает нас к не решённому до сих пор окончательно вопросу о причинах перестройки 1985—1991 гг. По этому поводу в литературе существуют весьма спорные и противоречивые суждения. По мнению В.И. Толстых, тогда «произошла *контрреволюция*, причём не в ругательном, а в строго научном смысле, и как бы её ни называли, „буржуазная“ или „народно-демократическая“, она перечеркнула все основные результаты и достижения Октябрьской революции 1917 года. Приметы таковой налицо — сломана прежняя государственная машина, власть перешла в руки нуворишей, считающих себя

¹ См. подробнее: [2].

демократами (сродни „партократам“), публично провозглашён отказ от социализма в пользу „рыночного капитализма“, судьба обещанных реформ оказалась в руках новой власти, сменившей КПСС и советскую государственность» [13, с. 116—117]. Другие авторы также находят аналогии с 1917 г. Ведь одной из причин Великой российской революции стали завышенные социально-политические ожидания населения, прежде всего городского, на фоне охватившего европейские страны и США научно-технологического рывка начала XX в. В.В. Ивантер пишет, что в период перестройки советское общество оптимистично надеялось на положительные перемены во всём. Все хотели прекрасной новой жизни, которую принесут политические и экономические реформы, причём очень скоро. Радикальные реформаторы собирались полностью изменить страну всего за 400—500 дней. Но даже эта предполагаемая скорость в какой-то момент перестала устраивать людей. Политически активная часть общества хотела перемен сегодня, а замечательных результатов — уже завтра. Как ни парадоксально, наибольшее нетерпение проявляли самые образованные социальные группы — представители творческой и научно-технической интеллигенции, которые возглавили большинство реформаторских общественных движений... Мировой исторический опыт подсказывает нам, что вера широких масс населения в возможность почти мгновенного перехода от бедности к экономическому благополучию лежала в основе всех известных политических революций [6, с. 38—39, 49—50].

Рассуждая по поводу перестройки и оценивая характер событий 19—21 августа 1991 г., мы полагаем, что тогда решался вопрос, как удержать власть и собственность в руках правящей в стране группировки. Высшие союзные и российские административно-хозяйственные структуры, широкие слои управленцев-производственников, тесно связанные с теневой экономикой, уже давно тяготились идеологическим диктатом и строгим партийным надзором, которые мешали им пустить в оборот приобретённые (часто криминальным путём) капиталы и вступить в фактическое распоряжение находящейся в их условном владении государственной собственностью. Сдвиг в коллективном сознании советской элиты назревал давно, ещё с середины 60-х гг. XX в. Дело не ограничилось только переменами в менталитете и нереальными мечтаниями. То поколение управленцев отличали прагматичность и ясное понимание своих корпоративных интересов. По их инициативе начался переход к новой структуре государственного управления, в основе которой лежала ведомственность. В советской печати и на высоких партийных форумах ведомственность сделалась предметом постоянной и резкой критики, но, несмотря на это, в СССР к концу правления Л.И. Брежнева насчитывалось около 100 министерств, госкомитетов и приравненных к ним учреждений. Ведомственные барьеры ещё в советское время чётко поделили государственную собственность на «нашу» и «не нашу» и значительно облегчили элите грядущую приватизацию. В начале 90-х гг. XX в., когда с ведомств спали старые организационные оболочки и советские наслоения, стала чётко видна картина российского государственно-монополистического капитализма. Как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, на исходе XX в. существовавший в течение нескольких десятилетий в рамках советского «служилого» государства социальный контракт между властным классом (номенклатурой)

и обществом был разорван. Номенклатура освободилась от обязательств перед обществом, конвертировав власть в собственность при сохранении и многократном умножении полученных ранее за службу привилегий. Бывшие советские «поместья» превратились в «вотчины» [5, с. 318—319]. Можно считать, что Россия вернулась на путь, прерванный революционными событиями 1917 г., и перестройка логично завершила социально-политический процесс, начавшийся в советском обществе в середине XX в.

В августе 1991 г. произошла смена государственного режима. На Дальнем Востоке России она была относительно спокойной, без потрясений и общественных столкновений, как в центре страны. Население не принимало почти никакого участия в политических событиях. Практически повсеместно партийные комитеты без сопротивления прекратили свою деятельность. Демократы, несмотря на активное участие в ликвидации партийных структур, не смогли получить преобладающего влияния в новых органах управления. Их попытки в Хабаровском крае, Амурской и Сахалинской областях вытеснить из аппарата представителей старой номенклатуры и самим занять освободившиеся места потерпели неудачу. За исключением ликвидированных партийных комитетов, в большинстве органов власти дальневосточных территорий произошли незначительные персональные замены. В целом старая партийно-советская номенклатура после некоторой кадровой рокировки сумела сохранить свой элитный статус. Этот процесс особенно наглядно проявился на городском и районном уровнях власти в последних числах августа 1991 г. Как правило, первый секретарь горкома или райкома КПСС получал назначение на должность главы городской или районной администрации. Дело оставалось за малым — сменить вывеску на двери кабинета. Тогда же появилась должность мэра города как проявление извечного западничества российской элиты. И, поскольку концепт перестройки требовал возвращения к старым добрым временам империи, вскоре главы регионов стали именоваться губернаторами. На Дальнем Востоке первым звание губернатора возложил на себя 13 сентября 1994 г. глава администрации Приморского края Е.И. Наздратенко. Последним дальневосточным регионом, где появилась вывеска со словом губернатор, стала Амурская область (с 14 июля 2003 г.).

В России формирование нового политического класса протекало на основе преемственности как на персональном (адаптация и перетекание значительной части старой элиты в новую), так и на организационном и процессуальном уровнях (использование некоторых прежних механизмов рекрутирования и функционирования элиты). В начале 90-х гг. XX в. новая власть практически нигде не формировалась на основе резкого и кардинального обновления правящих группировок, а прежняя элита не была полностью отстранена от управления. Представители контрэлиты прорвались к власти только в крупных городах, в первую очередь — в Москве и Санкт-Петербурге, где для этого имелись реальные политические и социально-экономические предпосылки [10, с. 10—11]. На Дальнем Востоке подобный сценарий был лишь отчасти реализован во Владивостоке в первый приход к власти В.И. Черепкова, в 1993—1994 гг. [19, с. 118]. Однако не стоит преувеличивать плавность и эволюционность этого процесса. Именно в годы перестройки отставки из верхних эшелонов власти приобрели небывало

широкий размах. И всё же кадровые изменения при М.С. Горбачёве осуществлялись в рамках традиции смены поколений. 1991 г. принёс элите такие изменения, что горбачёвские массовые чистки теперь не казались уже столь радикальными. При Б.Н. Ельцине, по выражению О.В. Крыштановской, началась настоящая «кадровая мясорубка». И всё же представители старой элиты в основном сумели сохранить «топовые» позиции — если не в политике, то в бизнесе. Так, в постперестроечный период большинство первых секретарей крайкомов, обкомов КПСС (70%) ушли в бизнес, государственный или частный, и лишь 16% остались в руководстве региона [8, с. 185, 186, 191].

Таким образом, представители старой номенклатуры были вынуждены учитывать в своей деятельности жёсткие рыночные условия ведения хозяйственных и торговых операций и приспосабливаться к непривычным для себя политическим процедурам, вытекающим из новых демократических порядков. Как показывает общероссийский и дальневосточный опыт, практически нигде старые кадры не смогли реализовать свои коммерческие проекты в кардинально изменившейся экономической обстановке. Так, в Благовещенске к концу 90-х гг. XX в. обанкротилась крупная торгово-промышленная фирма «Харбо», открытая в основном бывшими работниками ликвидированных партийных комитетов.

Успешнее выходцы из старой партийно-советской элиты действовали в новых органах власти. Их опыт и знания оказались востребованы и в новой российской реальности с гипертрофированной ролью государства в экономике и политике и преобладанием бюрократии в структурах управления. После периода политической турбулентности начала 90-х гг., когда люди волею случая с лёгкостью попадали во власть и так же легко из неё выпадали, всё вернулось в привычную колею. В последнее десятилетие XX в. подбор, расстановка и продвижение кадров в органах управления осуществлялись на основе известного с советского времени корпоративного принципа (принцип «своего человека»), то есть по усмотрению начальника с учётом «политических, деловых и личных качеств» кандидата на должность на государственную или муниципальную службу. Следствием были безынициативность, равнодушное отношение к своим обязанностям, непрофессионализм чиновников. Многие проблемы решались методом проб и ошибок, а часто вообще не решались. Основная масса управленцев в 90-е гг. XX — начале XXI в. представляла довольно однородную, хаотическую «серую» массу исполнителей, работавших по принципу «маленького человека» или «чего изволите». Социологические исследования, проведённые Дальневосточной академией государственной службы в 1997—1999 гг. в администрациях Хабаровского края и Еврейской автономной области, показали, что 66,9% опрошенных не ставили перед собой цели быть лидером в коллективе, 76% — сделать карьеру, 65,1% — иметь престижное положение, 65,5% — формировать стратегию деятельности, 45% — стремиться к высокому признанию своих служебных достижений [18, с. 15].

Перетекание части прежней управленческой группировки в новую российскую элиту привело к ряду негативных последствий. После 1991 г. выяснилось, что значительная масса старых управленцев второго эшелона (особенно из кадров Советов народных депутатов) влилась в российскую

государственную службу. Именно эта часть аппаратчиков, по замечанию А. С. Ващук, обеспечила преемственность в развитии управленческой элиты и переход её к новому социально-политическому имиджу государственных служащих [4, с. 134]. При этом все пороки советской кадровой системы оказались перенесены на российскую государственную службу. Самым отвратительным и неприемлемым из них стала коррупция, поразившая не только звенья государственного и муниципального управления, но и правоохранительные органы. Новым феноменом в деятельности органов власти стал лоббизм. Представителям управленческой элиты Хабаровского края в конце 90-х гг. XX в. было предложено оценить степень давления на органы власти. 77% респондентов указали на наличие такого давления (7% отметили его большую степень); 47% сказали, что давление осуществляется «протаскиванием» нужных законов и решений, 43% — через работников, которые в органах власти отстаивают чьи-то интересы («свои люди»), 30% — через вышестоящие органы власти, 10% — путём прямого подкупа и шантажа [1, с. 13—14].

Перестройка 1985—1991 гг. принесла в политическую жизнь России свободные, демократические выборы. Со второй половины 90-х гг. XX в. все важнейшие государственные должности, включая руководителей исполнительной власти регионов, стали замещаться путём выборов. Через некоторое время стало ясно, что старые проверенные временем методы формирования органов власти (корпоративный подход, принцип «нужного» человека) причудливо сочетаются с новыми процедурами (тайное голосование, открытый подсчёт голосов в присутствии наблюдателей от партий и движений), а альтернативность, конкурентность и многопартийность выборов вовсе не являются непреодолимым препятствием для прохождения во власть.

Политическая практика Советского Союза показывает, что отказ от проведения честных, открытых выборов в конечном счёте поставил под сомнение легитимность действующей власти. Известный итальянский социолог, автор теории «круговорота элит» Вильфредо Парето отмечал: «На протяжении всей истории, от самых древних царей до современных демократических режимов, средствами правления являются согласие и сила, взятые вместе. Если оставить в стороне фикцию „народного представительства“ и обратиться к существу дела, то обнаружится, что... повсеместно имеется малочисленный правящий класс, удерживающий власть отчасти силой, отчасти с согласия класса управляемых, значительно более многочисленного» [9, с. 68, 70]. Выборы как раз должны были повысить степень общественного согласия и укрепить правящий коммунистический режим. Примечательно, что за долгие годы своего правления КПСС как политическая организация ни разу не вышла на выборы с собственной программой. Советские люди голосовали за представителей нигде юридически не узаконенного «нерушимого блока коммунистов и беспартийных». Конечно, советское руководство понимало необходимость легитимации своей власти с помощью процедур всенародного волеизъявления и периодически проводило выборы в органы власти разных уровней. Но эти выборы являлись безальтернативными и фактически принудительными. Результаты были пред-

решены заранее и совершенно не зависели от политических предпочтений избирателей. Фактически советские выборы «...были не чем иным, как проверкой избирателей на благонадёжность и лояльность к власти» [7, с. 83]. Это привело к утрате доверия граждан к правящей партии и в итоге предредишило её политический крах.

Хотя перестройка и покончила с партией абсолютной власти (КПСС), стереотипы политического поведения старой номенклатуры в новейший период российской истории выразились в периодических попытках воссоздать новую «партию власти». Сначала это было гайдаровское объединение «Выбор России», а во второй половине 90-х гг. XX в. — созданное под патронатом В.С. Черномырдина общественно-политическое движение «Наш дом — Россия». Более того, и новое партийное строительство в Российской Федерации (правые, центристы, левые) во многом копировало организационные и политические методы работы прежней КПСС. В действиях современной российской элиты отчётливо проявилось стремление создать несменяемую систему власти, каковой она была в годы существования СССР. Согласно федеральным законам, принятым в 2004—2006 гг., глав администраций субъектов РФ стали наделять должностными обязанностями представительные органы власти регионов, а не избирать населением; был отменён порог явки избирателей на выборы; из избирательных бюллетеней удалили графу «против всех» [14; 15; 16; 17].

Таким образом, новые управленческие структуры в регионах России формировались в основном из старых номенклатурных списков, что хорошо прослеживается по биографическим данным политической элиты Дальнего Востока 90-х гг. XX в.² Кадры, начинавшие карьеру в советское время, продолжили её на государственной службе Российской Федерации. У руководящего состава, а особенно у специалистов среднего и низшего звеньев управления, не хватало профессионализма, гибкости, а главное — опыта работы в изменившейся обстановке. Те немногие из управленцев, которые всё-таки приспособились к новым условиям, часто не могли закрепиться на работе из-за частой смены первых лиц в некоторых регионах Дальнего Востока. Данная кадровая ситуация, разумеется, негативно отразилась на эффективности деятельности государственных институтов в субъектах Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Байков Н.М., Брилёв В.В. Административно-политическая элита региона: штрихи к портрету // Власть и управление на Востоке России. 1999. № 4(9). С. 8—20.
2. Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х — 1990-е гг.). Историография проблемы: препринт. Благовещенск, 2001. 63 с.
3. Буянов Е.В. Политическая элита Дальнего Востока России (1980-е — 1990-е гг.). Благовещенск, 2002. 60 с.

² См.: [3].

4. Ващук А.С. Управленцы на Дальнем Востоке в советский период: штрихи к коллективному портрету (середина 40—60-х гг.) // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока России в XX в. Владивосток, 1999. С. 112—135.
5. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., 2006. 448 с.
6. Ивантер В.В. Основные вехи макроэкономической и политической трансформации России // Российская трансформация: 20 лет спустя. М., 2013. С. 21—61.
7. Иванченко А.В. Избирательная кампания — уроки на завтра. Коммунист. 1990. № 11. С. 83—93.
8. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005. 384 с.
9. Парето Вильфредо. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. М., 1997. С. 59—79.
10. Политические элиты, партии и движения в регионах России: аналитическая записка лаборатории политического анализа и прогнозирования философского факультета МГУ им. Ломоносова от 31 января 1995 г. Отдельный оттиск. 27 с.
11. Положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе, утверждённое Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». СЗ РФ. 2000. № 20. Ст. 2112.
12. Российские регионы после выборов — 96. М., 1997. 784 с.
13. Толстых В.И. Россия эпохи перемен. М., 2012. 367 с.
14. Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. «О внесении изменений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и в Федеральный закон „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“» // СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 4950.
15. Федеральный закон от 18 мая 2005 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 21. Ст. 1919.
16. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 30. Ч. 1. Ст. 3104.
17. Федеральный закон от 12 июля 2006 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)» // СЗ РФ. 2006. № 29. Ст. 3125.
18. Чадаев Е.Н. Состояние и проблемы подготовки управленческих кадров государственной службы // Власть и управление на востоке России. 1999. № 2(7). С. 11—20.
19. Шинковский М.Ю. Российский регион: становление политического режима в условиях глобализации. Владивосток, 2000. 336 с.

REFERENCES

1. Bajkov N.M., Brilev V.V. Administrativno-politicheskaia jelita regiona: shtrihi k portretu [Regional administrative and political elite: accents of the picture]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 1999, no. 4(9), pp. 8—20. (In Russ.)
2. Bujanov E.V. Organy gosudarstvennoj vlasti dal'nevostochnyh subektov Rossijskoj Federacii: istorija i itogi reformirovanija (konec 1980-h — 1990-e gg.) [State authorities of Far Eastern constituent entities of the Russian Federation: history and results of reforms (late 1980's — 1990's)]. *Istoriografija problemy: preprint*. Blagoveshhensk, 2001, 63 p. (In Russ.)
3. Bujanov E.V. *Politicheskaja ehлита Dal'nego Vostoka Rossii (1980-e — 1990-e gg.)* [Political elite of the Russian Far East (1980's — 1990's)]. Blagoveshhensk, 2002, 60 p. (In Russ.)
4. Vashhuk A.S. Upravlency na Dal'nem Vostoke v sovetskij period: shtrikhi k kolektivnomu portretu (seredina 40—60-kh godov) [Managers in the Russian Far East in

- the Soviet period: accents of the collective portrait (middle 1940's — 1960's)]. *Voprosy social'no-demograficheskoi istorii Dal'nego Vostoka Rossii v 20 v.* [Problems of social and demographic history of the Russian Far East in the 20th century]. Vladivostok, 1999, pp. 12—135. (In Russ.)
5. Gaman-Golutvina O.V. *Political elite of Russia: milestone of historical evolution* [Russian political elites: landmarks of historical evolution]. Moscow, 2006, 448 p. (In Russ.)
  6. Ivanter V.V. Osnovnye vehi makroekonomicheskoi i politicheskoi transformacii Rossii [Main landmarks of Russia's macroeconomic and political transformation]. *Rossijskaja transformacija: 20 let spustja* [The Russian transformation: 20 years afterwards]. Moscow, 2013, pp. 21—61. (In Russ.)
  7. Ivanchenko A.V. Izbiratel'naja kampanija — uroki na zavtra [Electoral campaign: lessons for tomorrow]. *Kommunist*. 1990, no. 11, pp. 83—93. (In Russ.)
  8. Kryshchanovskaja O.V. *Anatomy of russian elite* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow, 2005, 384 p. (In Russ.)
  9. Pareto Vilfredo. Kompendium po obshhej sociologii [Compendium on general sociology]. *Antologija mirovoj politicheskoi mysli. In 5 t.* [Corpus of the world political ideas. In 5 volumes. Vol. 2]. Moscow, 1997, pp. 59—79. (In Russ.)
  10. *Political elites, parties, movements in regions of Russia: analytical note of laboratory of political analysis and forecasting of philosophical department of MSU nm. Lomonosov of 31 Jan.* [Political elites, parties and movements in Russian regions: analytical comment of the Laboratory of Political Analysis and Forecasting, Philosophy Chair of M.V. Lomonosov Moscow State University dated January 31]. 1995, 27 p. (In Russ.)
  11. Provision on plenipotentiaries of the President of the Russian Federation in federal districts approved by Order of the President of the Russian Federation no. 849 dated May 13, 2000 "On plenipotentiaries of the President of the Russian Federation in federal districts". *Legislative collection of the Russian Federation*, 2000, no. 20, article 2112. (In Russ.)
  12. *Russian regions after elections—96* [Russian regions after the elections—96]. Moscow, 1997, 784 p. (In Russ.)
  13. Tolstyh V.I. *Rossija v jepohu peremen* [Russia in the epoch of change]. Moscow, 2012, 367 p. (In Russ.)
  14. Federal Law dated December 11, 2004 "On making amendments to the Federal Law "On general organization principles of legislative (representative) and executive authorities in constituent entities of the Russian Federation" and to the Federal Law "On basic guarantees of electoral rights and the right for participation in the civil plebiscite of the Russian Federation". *Legislative collection of the Russian Federation*, 2004, no. 50, article 4950. (In Russ.)
  15. Federal Law dated May 18, 2005 "On elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation". *Legislative collection of the Russian Federation*, 2006, no. 21, article 1919. (In Russ.)
  16. Federal Law dated July 21, 2005 "On making amendments to enactments of the Russian Federation on elections and plebiscites and other enactments of the Russian Federation". *Legislative collection of the Russian Federation*, 2005, no. 30, part 1, article 3104. (In Russ.)
  17. Federal Law dated July 12, 2006 "On making amendments to enactments of the Russian Federation in the aspect of cancelling the form of voting against all candidates (all candidate lists)". *Legislative collection of the Russian Federation*, 2006, no. 29, article 3125. (In Russ.)
  18. Chadaev E.N. Sostojanie i problemy podgotovki upravlencheskih kadrov gosudarstvennoj sluzhby [State and issues of training management personnel for civil service]. *Vlast' i upravlenie na vostoce Rossii*. 1999, no. 2(7), pp. 11—20. (In Russ.)
  19. Shinkovskij M.Ju. *Rossijskij region: stanovlenie politicheskogo rezhima v uslovijah globalizacii* [The Russian region: development of political regime in globalization conditions]. Vladivostok, 2000, 336 p. (In Russ.)